ФРЭНСИС ДВОРНИК
Центральная и Восточная Европа
в средние века
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ
Из руин, оставленных германскими и славянскими племенами в гармоничной структуре Римской империи, постепенно возникли черты новой Европы...

Фрэнсис Дворник

Центральная и Восточная Европа в Средние века. История возникновения славянских государств

«Центрполиграф»
1949

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Дворник Ф.

Центральная и Восточная Европа в Средние века. История возникновения славянских государств / Ф. Дворник — «Центрполиграф», 1949

ISBN 978-5-9524-5324-1

В настоящей книге американский историк, славист и византист Фрэнсис Дворник анализирует события, происходившие в Центральной и Восточной Европе в X–XI вв., когда формировались национальные интересы живших на этих территориях славянских племен. Родившаяся в языческом Риме и с готовностью принятая Римом христианским идея создания в Центральной Европе сильного славянского государства, сравнимого с Германией, оказалась необычно живучей. Ее пытались воплотить Пясты, Пржемыслиды, Люксембурга, Анжуйцы, Ягеллоны и уже в XVII в. Габсбурги. И хотя со временем империя развалилась на части, именно в эти годы был заложен фундамент государств континентальной Европы.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-9524-5324-1

© Дворник Ф., 1949
© Центрполиграф, 1949

Содержание

Введение 7
Глава 1 15
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Фрэнсис Дворник
Центральная и Восточная Европа в Средние века. История возникновения славянских государств

Francis Dvornik
The making of Central and Eastern Europe

ФРЭНСИС ДВОРНИК

Введение

Лишь немногие периоды в европейской истории были такими же важными, как IX и X века, поскольку именно в эти полные событий годы был окончательно заложен фундамент государств континентальной Европы. В IX веке стихли последние всплески миграций, гигантские волны которых, по сути, исчерпали себя еще веком раньше. Из руин и разорения, оставленных германскими и славянскими племенами в гармоничной структуре Римской империи, постепенно возникли обновленные черты новой Европы.

Никакая сила не могла остановить процесс романизации, который повлиял на готов в Испании, лангобардов в Северной и Южной Италии, франков и бургундцев в Галлии. Уже когда эти германские племена, ведомые слепым инстинктом, осели на юге, на имперской территории, среди культурного и романизированного населения, их судьба была решена. Понятие одной империи, объединяющей все народы и включающей весь мир или по крайней мере всю Европу – идея, родившаяся в языческом Риме и с готовностью принятая в Риме христианском, оказалась необычайно живучей. И новые захватчики испытали настолько благоговейное восхищение столицей мира, что довольно долго воздерживались от посягательства на ее объединяющие принципы. Они гордились своим положением регулярной армии империи, а их короли гордились тем, что правят Римом и оккупированными провинциями от имени императора. Этому романтическому ореолу идея имперского единства обязана своим выживанием в самых тяжелых мировых кризисах, позволив преемникам Константина Великого веками удерживать свою фиктивную власть над западом.

Но даже героические попытки Юстиниана добавить материальности иллюзиям и вернуть Средиземному морю статус Римского, не смогли спасти идеал, который вдохновлял многие поколения римлян и внушал почтение ордам варваров, и в IX веке франки и Карл Великий нанесли смертельный удар.

Это правда, что современники не до конца понимали смысл этой революции, и блаженное невежество продолжало в течение нескольких поколений поддерживать миф об имперской сплоченности как о единственно возможной политической единице, что вполне устраивало мир, который они знали. Однако ни их иллюзии, ни протесты из далекого города на Босфоре не могли остановить процесс. Европа в конце концов развалилась на две части, и начался длительный процесс подъема новых национальных королевств на востоке и западе. Таков был, помимо других аспектов, истинный смысл коронации Карла Великого в Риме папой Львом III в Рождественскую ночь 800 года.

С энергией молодых энтузиастов и беспощадностью лишь наполовину цивилизованных варваров франки принялись расширять свою империю и навязывать свое правление соседним народам. Они добрались до Адриатики, завоевали Фриули и Истрию, навязали свое правление Хорватии и даже попытались сделать то же самое в отношении Болгарии. Их колонисты и миссионеры перешли Альпы и наводнили Паннонию. Оттуда они переправились через Дунай и около 835 года достигли северо-восточной границы своего проникновения в Нитре, что в современной Словакии, после того как победоносные армии Карла расчистили путь и уничтожили аваров, турко-татарских завоевателей современной Венгрии. Создавалось впечатление, что в Западной Европе началась новая эра, причем в лучших имперских традициях Рима. По странному совпадению римские легионы, двигаясь на северо-восток, тоже остановились недалеко от Нитры. Это зафиксировано в римской надписи под замком Тренчин. В ней говорится, что в 179 году римские легионы под командованием Марка Аврелия разбили лагерь у подножия Карпатских гор. Однако, претендуя на господство в Моравии и Богемии, франки превзошли римлян, аванпосты которых никогда не располагались дальше Брно, современной столицы Моравии. Эльба, в водах которой так часто отражались орлы римских легионов Друза

и Тиберия, также видела войска Карла Великого, когда они старались обезопасить восточные границы империи от вторжения варваров-славян, селившихся на берегах реки. Даже Испания или то, что от нее осталось после арабских завоеваний, считала Карла Великого единственным человеком, способным ее освободить и снова превратить в христианскую страну.

Если мы подумаем о великом множестве возможных вариантов развития, то поневоле зададимся вопросом, какой была бы история Европы, если бы империя Карла Великого уцелела, а его преемники сумели бы дополнить грандиозное политическое сооружение, возведенное на руинах старого универсализма, и сохранить его с помощью новой христианской веры. Формирование империи франков – удивительный процесс. Его центр тяжести изначально находился на западе и на юге, где господствовали романизированные элементы, и только случайность не позволила этому превосходству оставить свой отпечаток. Разрыв торговых путей между Марселем, Сицилией, Византией и Африкой арабами, которые начиная с VII века господствовали на Средиземноморье, принес экономический упадок в Южную Францию и не позволил этой культурной части Франкской империи взять на себя роль лидера в развитии. Но хотя центр тяжести сместился и инициатива перешла к северу, романизированные элементы юга не утратили престижа в новорожденной империи. Если бы не случайность, им хватило бы жизненных сил, чтобы романизировать или по крайней мере воздействовать латинской, французской и итальянской культурой на германские племена, цивилизация которых по всем параметрам не дотягивала до западных и южных стандартов.

Карл Великий, сам того не ведая, сдержал это развитие. Историки до сих пор с горечью поминают жестокость, проявленную этим почитателем святого Августина, строителя града Божия на земле, при покорении саксонцев, живших между средним и нижним течением Эльбы, в современной Франконии и Голландии. Он безжалостно подавлял неоднократно повторявшиеся восстания и заставил их принять христианство. Безусловно, Карл Великий имел в виду только интересы империи и христианства. Однако, не желая этого, он оказал большую услугу германской нации в целом. Ведь именно благодаря его жестокому обращению весьма энергичное германское племя не изолировалось и не образовало отдельный народ и государство, как это сделали даны, скандинавы и англосаксы. Саксонцы остались германцами, в то время как насильственное распределение многих саксонцев среди соседних германских племен внесло большой вклад в их объединение и укрепило их сопротивление негерманскому проникновению. Саксонцы были воинственным народом, но, поскольку они лишь недавно вышли из своей языческой и примитивной цивилизации, вся Франкия в результате испытала регресс.

Политика Карла Великого по большей части способствовала распаду его империи на две части – романизированную и германскую. Этот раскол возвестил о второй фазе работы по переустройству. Однако распад продолжался. Трудности в Италии, где папство было поглощено территориальными претензиями и где воспоминания об имперском периоде, все еще витавшие в воздухе, ограничивали расширение королевства лангобардов. Франция продолжила распад, одновременно поддерживая миф о единстве, что получалось все хуже. В Испании романизированные иберийцы и готы – хребет гордой испанской нации, – отчаявшись получить помощь западного христианского мира, продолжили идти своим путем и начали борьбу – практически в одиночку – с мусульманами. Она завершилась освобождением Испании в XV веке. Даже Хорватия освободилась, а Булгария выросла в крупное государство, ставшее угрозой для Византии, последней и единственной наследницы Древнего Рима.

Дальше к востоку, на периферии империи франков, на левом берегу среднего течения Дуная и на берегах его притоков, от Моравы в направлении Тисы, выросло новое государство, известное как Великая Моравия, которая под управлением династии Моймиров в конце концов преградила путь франкам, рвавшимся к Карпатам. Оно собрало вокруг себя славянские племена верховьев Влтавы, ее притоков и верховьев Вислы. Это государство угрожало навязать свое правление всей бывшей Паннонии, или той части современной Венгрии, которая лежит

между излучиной Дуная, Альпами и Дравой. Дальше на север многие славянские племена, жившие на правом берегу Эльбы и между Эльбой и Балтийским морем, вскоре оправились от испуга, который в них вселили армии Карла Великого и его преемников, и стали переправляться через реку и разорять территории Восточной Франкии, или будущей Германии.

В ходе норманнских завоеваний, которые сеяли ужас по всему европейскому побережью Атлантического океана и парализовали европейскую экономическую жизнь, плоды трудов Карла Великого стали разваливаться. В это самое время на Дунае и Мораве возникло государство, так много обещавшее Центральной и Восточной Европе, что это до сих пор озадачивает многих ученых. Новое государство нашло доступ к Константинополю, хранилищу старой классической и эллинистической культуры, и получило оттуда знание Евангелия. Столь неожиданный отпор остановил продвижение на восток франкской культуры и открыл славянский восток для Византии. Изобретение письменности святыми Кириллом и Мефодием и начало богослужений на славянском языке – новшество, неслыханное на западе, – угрожали всей культурно-просветительской работе Карла Великого. Этот монарх сделал делом своей жизни навязывание использования латыни и римских обрядов западу, в том числе нелатинскому населению германского рода.

В любом случае амбиции Карла Великого явились сильным доказательством привлекательности римской культуры для германцев. Не имея ничего, что можно было бы отдать взамен за бесценные дары, предлагаемые Римом, они приняли их целиком и настаивали, что язык римлян является единственным посредником, достаточно благородным, чтобы передать мысли интеллектуалов толпе и молитвы верующих Богу. Они не видели неравенства между своим положением и положением романизированных народов и не думали о том, что такое абсолютное принятие поставит их собственный язык в невыгодное положение. Такие соображения могли помочь в оценке государственной мудрости моравских князей. Но в то время латинские институты так прочно утвердились в жизни франков, что стали неотъемлемой частью франкского национального характера на востоке и западе, и вместо того, чтобы подражать восточным соседям, франки, почувствовав опасность, предпочли действовать. Понять опасность их заставило папство, которое, обеспокоенное растущей силой франкской иерархии, стало на сторону Моравии и византийских миссионеров.

Восточная Франкия – сегодняшняя Германия – вбросила мяч в игру. С характерным германским упорством Людовик не давал ни минуты покоя моравским соседям, и его преемник Арнульф, чувствуя неспособность сокрушить их в одиночку, не испытывая никаких угрызений совести, призвал на помощь следующих завоевателей Центральной Европы – финно-угорских мадьяр. После их разгрома болгарским царем Симеоном и его союзниками печенегами (пацинаками) – их смертельными врагами – и после их изгнания с насиженного места на юге Руси, мадьяры только и ждали возможности перейти Карпаты, чтобы ликвидировать Моравскую империю и обустроиться на дунайских равнинах. Арнульф явно не ведал, что творит. Он достиг своей цели, но на деле оборвал линию связи, которую создавали моравские принцы, чтобы соединить Византию и Центральную Европу. По ней на запад должны были поступить сокровища греческой и эллинистической культуры. Поскольку моравский путь перерезали ничего не знающие о культуре мадьяры, а морские пути преградили арабы, Западной Европе пришлось ждать четыре века, прежде чем ее экономическая и военная экспансия на Средний Восток во время Крестовых походов восстановила контакт с греческой и эллинистической культурой, спасенной Византией. Этот контакт дал интеллектуальный толчок к развитию западного Возрождения.

Ничуть не менее катастрофическим стал непосредственный результат этого поступка. Новые завоеватели стали бичом Европы, и их набеги в Баварию и на другие германские земли, в Бургундию, Западную Франкию и даже Италию, никому не позволяли наслаждаться миром.

Место моравской проблемы заняла проблема мадьярская, значительно более тяжелая. Чтобы с ней справиться, нужен был еще один Карл Великий.

Тем временем шло создание из ряда славянских и финно-угорских племен Киевской и Новгородской Руси – величайшего из творений, существовавших на севере и востоке Европы. Этот регион доселе был едва ли хорошо известен римлянам и их преемникам на западе, франкам, и оставался закрытой книгой для всего остального человечества. Новое политическое образование, которое Игорь сосредоточил вокруг Киева, установило контакт не только с византийской цивилизацией, но и с арабами Багдада через хазар, обосновавшихся в низовьях Волги, и булгар, живших вблизи среднего течения этой реки.

Существовала серьезная опасность того, что цивилизация халифов затмит христианскую Византию. Северяне-скандинавы были язычниками, и их одинаково привлекали обе цивилизации. Затем вместо христианства в его западной или восточной форме ислам пересек Днепр, Днестр и Карпатские горы и обеспечил себе прочное положение среди мадьяр. В своих скитаниях по русским степям, тогда находившимся под хазарским правлением, они, вероятно, познакомились с верой Мухаммеда и, как многие кочевники, предпочли ее суровой доктрине христианства.

Опасность была предотвращена Византией. Святослав, языческий князь Киевский, двигался к Дунаю, и вместо того, чтобы осесть на Волге среди булгар-мусульман, он начал войну с дунайскими булгарами к большой выгоде Византии. Мадьярскую опасность преодолело молодое германское племя, недавнее приобретение Восточной Франкии, – саксонцы. Из-за вторжений скандинавов и мадьяр из всех германских племен только энергичные саксонцы, меньше всего пропитанные духом старого римского христианства, смогли предпринять действенные меры против посягателей. А когда последние отпрыски династии Каролингов умерли, германские племена вернулись к старой практике избрания национальных королей. После смерти их первого избранника, Конрада Франконского, они отдали королевскую корону герцогу Саксонии Генриху Птицелову.

Именно этот сильный правитель и его преемник Оттон I за несколько экспедиций ликвидировали мадьярскую угрозу и, наконец, подавили кочевничество в сражении на реке Лех в 955 году. Но Оттон I не последовал примеру Карла Великого, который почти полностью уничтожил аваров, и они навсегда исчезли с мировой исторической сцены. Вместо этого он предпочел оставить мадьяр в покое, убедиться в покорности чехов и их военной поддержке и повернуть против славян на Эльбе. Войска переправились через реку, и первая волна того, что немцы называют Drang nach Osten (натиск на восток), захлестнула славянские земли, огнем и мечом опустошая территорию, на которой в будущем предстояло возникнуть Берлину, Пруссии и новой Германии.

В ходе этого движения на восток германцы впервые столкнулись с поляками, с удивлением обнаружив между реками Бобер, Варта, Висла и Одер большую конгломерацию славянских племен, обладающую всеми чертами прочной политической организации, которой правил смелый князь Мешко I. По сути дела, именно движение к Балтике через Померанию, занятую в то время славянскими племенами, принадлежавшими к польской группе, на которые одинаково зарились и германцы и поляки, а Мешко I сделал первый шаг, выдвинул поляков на передний план, и они попали в сферу германских интересов. С того времени германские хронисты использовали для описания поляков и их правителя сильные выражения, явно передающие гнев современных саксонцев, столкнувшихся с совершенно неожиданным препятствием. К сожалению, эти хронисты отличаются немногословием, когда дело касается интересующих нас фактов. В результате их намеренной сдержанности нам мало что известно о происхождении Мешко, построении его государства и его отношениях с Османской империей. Все эти вопросы активно обсуждались германскими и польскими учеными, особенно в десятилетия, предшествовавшие Второй мировой войне. Эти споры, бесспорно, будут интересны будущим

историкам, поскольку, либо случайно, либо умышленно, именно они послужили идеологическим введением мирового конфликта.

Воспоминания о поблекшей славе империи франков преследовали германские племена, даже когда они объединились в новое Германское королевство и искушение возродить прошлое оказалось слишком сильным для Оттона I. Саксонцы и другие германцы возродили империю Карла Великого с Оттоном I в качестве ее первого императора, наследника всех честолюбивых планов великого предка. Родилась Римская империя германского народа. Германцы так глубоко почитали франков, что, надев королевские одежды, Оттон I почувствовал себя франком.

Правда, оказалось невозможным реализовать все честолюбивые планы Карла Великого и расширить границы империи, как он того желал. Западная Франкия осталась вне границ империи. Но было очень важно установить контроль над Ломбардией и поддержать папство и разваливающееся наследие святого Петра. Византия блокировала любое продвижение на юг, и в конце концов Оттон I только порадовался, когда удалось достичь компромисса с государством, могущество которого было так велико, и женить своего сына на византийской принцессе. Хорватия занимала уверенную позицию, а Булгария снова оказалась во власти Византии. Но зато открывались огромные возможности на восточных территориях – между Эльбой, Финским заливом и Днепром, где жило много славянских племен, в основном язычников, которые были недостаточно сплоченными, чтобы оказать серьезное сопротивление проникновению извне. Оттон I воспользовался возможностью, и в соответствии со своей имперской миссией защитника и распространителя христианской веры он основал архиепископство в Багдебурге, желая сделать этот город столицей всех славянских земель. Он не забыл даже далекую Киевскую Русь и включил ее в свои имперские планы, не сломленный неудачей первой попытки принести христианство в это языческое государство.

Планы Оттона вызвали неожиданную реакцию в Польше. Чтобы не допустить втягивания в этот масштабный план, Мешко поспешил принять первых миссионеров не от германцев, а от чехов – единственного христианского славянского народа, тогда существовавшего на западе. Это был умный поступок, которому императору нечего было противопоставить, поскольку чехи были подданными империи. Мешко также обнаружил неожиданного союзника – папство, которое инстинктивно противилось экспериментам Оттона в религиозной области. Таким образом, поляки расстроили планы Оттона, существенно замедлив германское культурное и политическое проникновение на славянский восток. Сами того не ведая, они стали щитом, защищающим Русь от германских посягательств. Первый контакт Польши со Святым престолом создал традицию в польской истории, которая, ввиду необходимости для обеих сторон иметь союзника против германских претензий и ряда других обстоятельств, продержалась весь период Средневековья, став чертой польской национальной жизни и международной политики.

Таким образом, Оттон I смог реализовать свои планы лишь частично. Ему не пришлось испытать удовлетворение от мысли, что он превзошел Карла Великого, но он и его отец Генрих Птицелов считаются основателями германского могущества в Европе. Возродив имперскую идею, Оттон I завещал Германии ценную собственность, поскольку она дала немцам сознание собственного превосходства над всеми развивающимися государствами, не исключая Англию и Францию. Это убеждение впоследствии оказалось опасным оружием, которым преемники Оттона научились весьма эффективно пользоваться, двигаясь на восток.

Однако наследство подразумевало и ответственность – Италию, и Оттон узнал о ней больше, чем ему хотелось бы, когда погиб в Калабрии, сражаясь с сарацинами и византийцами. Он был первым из длинной череды германских королей, герцогов, рыцарей и воинов, которые в последующих веках подчинялись зову юга, проливая свою кровь на равнинах Ломбардии и выжженных солнцем полях юга Италии. Что-то необъяснимое влекло сыновей германского

севера под голубые небеса юга, где лангобарды, готы и вандалы заплатили практически полным исчезновением, да и германцы готовы были повторить их судьбу.

Злоключения Оттона II в Италии едва не ликвидировали все плоды трудов его отца. Покоренные славяне на Балтике и правом берегу Эльбы восстали и за несколько лет свели на нет деятельность двух саксонских королей. Из всех славянских народов, подчиненных Генриху I и Оттону I, в империи остались только славяне, жившие между Заале и Эльбой, и чехи. Чехи, бывшие христианами с моравского периода и уже имевшие двух собственных святых – Вацлава и его бабушку Людмилу, сумели под покровительством Оттона I после поражения мадьяр аннексировать существенную часть старой Моравской империи. После Вацлава они, за исключением короткого периода, поддерживали саксонскую династию и содействовали Саксонии в ее стремлении помешать Баварии влиять на дела в Германии. Они высоко ценили остатки греко-славянской культуры, спасенные после краха Великой Моравии, что дало им определенный культурный уровень, во многих отношениях превышавший саксонские стандарты того времени. Но из-за своего географического положения они не могли стать объединяющим центром для славянских племен, сохранивших независимость. Эта задача перешла к полякам, которые были более многочисленными и отделенными от чехов и славян в Германии, занимавших правый берег Эльбы. Мешко I уже начал собирать вокруг себя польские племена, в том числе из Померании и Силезии, и формировать большую славянскую империю, которая включала в себя земли, лежавшие между Эльбой и границей Киевской Руси.

Такова была общая ситуация, когда к власти пришел Оттон III. Этот греко-саксонский полукровка, несмотря на романтические мечты юности, был твердым реалистом. Воспитанный в атмосфере римского империализма наставником Гербертом Орильякским, который делал все возможное, чтобы внушить своему подопечному почтение к величию классического Рима, Оттон попал под влияние средневековой идеологии, основанной на тесном сотрудничестве между светскими и духовными властями. И ему захотелось реализовать идею святого Августина о граде Божьем на земле. Вместе со своим ученым собратом, к тому времени ставшим папой Сильвестром II, при поддержке своего друга Адальберта, епископа Праги, – заметной фигуры, незаслуженно забытой, а также лучших умов, входивших в ближний круг императора, Оттон III создал новую имперскую концепцию.

Он решил дать всем новым народам и государствам в Европе свободу управлять собственными делами взамен на членство в его обновленной Римской христианской империи. Концепция была одновременно идеалистической и реалистической. Это была единственная схема, когда-либо задуманная германским королем для всей Центральной Европы, которая могла быть без опасений принята любым новым государством. Германскому элементу в этой части Европы план предусматривал вполне заслуженное место – самой энергичной и культурной силы.

План с энтузиазмом поддержали в Польше, где в 1000 году Болеслав Великий и поляки приветствовали императора как главу христианского мира. Основание польской национальной иерархии с центром в Гнезно стало наградой за приверженность Польши обновленной Римской империи. В Риме и Польше стали составлять планы завоевания для Христа славянских племен, живущих между Эльбой и Одером. Центры подготовки миссионеров были открыты в Риме, Равенне и Гнезно. Все предприятие обещало стать крестовым походом германской, итальянской, чешской и польской миссий.

Венгрия последовала примеру Польши, когда князь Стефан обратился с просьбой о допуске в новую христианскую империю. Стефан (Иштван) стал королем и получил от императора и папы разрешение создать епископства, где он посчитает необходимым. Заслуга Адальберта Пражского и его учеников заключается в том, что они подготовили почву для распространения христианства и имперской идеологии в Венгрии. Даже хорваты проявили интерес к

вступлению во всеобщую христианскую конфедерацию. В Европе началась новая эра, и главные роли в ней должны были играть Германия и новые государства.

Но все сооружение рухнуло после смерти Оттона III и папы, а с ними исчезла и интересная попытка реализовать идеал Средневековья до его полного созревания. Генрих II, преемник Оттона, не интересовался столь возвышенными концепциями. Его намного больше увлекала возможность германской экспансии в Центральной и Восточной Европе.

Затем начался первый конфликт, впоследствии неоднократно повторявшийся, между Германией и Польшей. Генрих II отверг планы Оттона и с характерным для германцев упрямством сосредоточил всю свою энергию на уничтожении Польши. К большому негодованию современной Европы, он заключил союз с язычниками-славянами против христианского герцога, тем самым разрушив – в глазах многих – концепцию идеальной миссии императора как главы западного христианства и распространителя веры.

Доблестный поляк, осознав, что идеалы Оттона прекратили свое существование, разошелся с Римской империей и в ходе борьбы с Генрихом II приступил к строительству славянской империи, раскинувшейся до самой Эльбы. Это создало возможность появления нового политического образования, которое, если продержится достаточно долго, покончит с Римской империей под германским лидерством и навсегда блокирует германскую экспансию на восток за Эльбу. А объединение поляков и чехов создало бы силу, которая могла иметь дело с Германией на равных, одновременно втягивая в сферу своего влияния другие политические единицы Центральной Европы. В первую очередь имелась в виду Венгрия. Таким образом, изменился бы весь ход европейской истории. Но план потерпел крах. Чешская династия наотрез отказалась заниматься чем бы то ни было, выходящим за рамки ее непосредственных сиюминутных интересов, и с помощью Генриха II вернула обладание Богемией.

Целевая направленность была утрачена, и германцы выиграли первое из больших сражений в Центральной Европе.

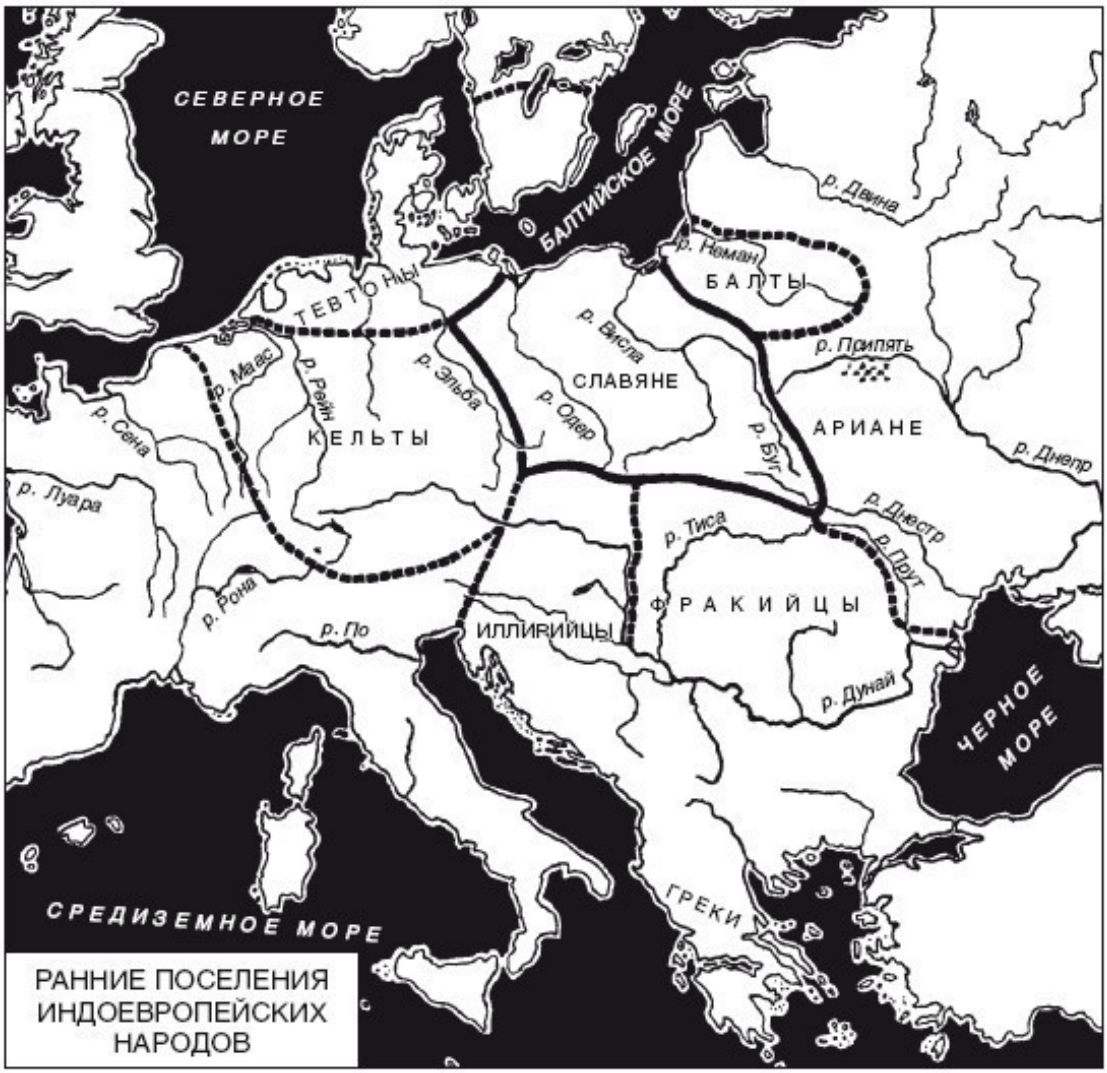
Таков был фон – наскоро обозначенный – одного из самых богатых событиями периодов в истории Центральной Европы. Последующие результаты достигли стабильности в X и начале XI века: Центральная Европа осталась разделенной на века, и доминирующим фактором являлась Германия. Поскольку фундамент для следующих веков закладывался именно на этой стадии, она заслуживает особого рассмотрения. Если конструкция дает трещину под давлением урагана, архитекторам стоит сначала проверить фундамент, а уж потом проектировать новое сооружение.

Но изучение этого периода – непростая задача, поскольку его проблемы изобилуют межнациональной ревностью, да и информации совсем немного. Существующие исторические записи не содержат никаких комментариев к происходившим событиям в систематическом или историческом порядке. Последние греческие и латинские историки, обученные в традициях старой классической школы, жили в конце VI века, и время не пощадило их труды. Последние римские авторы старой латинской школы исчезли к началу IX века. Им на смену пришли сыны варваров, успевшие узнать едва ли половину из того, что знали их хозяева. После этого уже не историки, а хронисты стали сообщать о событиях, которые они считали важными, аббатам, епископам, королям и императорам, в которых были заинтересованы. При этом они легко пренебрегали важнейшими фактами, которые ни за что не ускользнули бы от внимания настоящих историков. Хуже того, хронистов было совсем мало, и их информация зачастую оказывалась такой же скудной, как их латынь. Канцелярии тогда только зарождались, и ими руководили люди, ничего не знавшие о старых римских традициях. Поэтому отыскать материалы, необходимые для пополнения наших знаний, чрезвычайно сложно. Византия, к сожалению, не предлагает нам почти ничего, чтобы заполнить пробелы, поскольку для нее не представляли интереса события, происходившие так далеко. Только император Константин Порфирогенет оставил для нас кое-какую информацию об этих дальних странах, но к его материалам следует

относиться с осторожностью. А поскольку у славянских наций, за исключением чехов, еще не было своей литературы, нам в большинстве случаев приходится полагаться на германскую информацию, которая, если речь идет о борьбе германцев с язычниками-славянами, едва ли может считаться объективной. К счастью, некоторые арабские авторы оставили нам кое-какую информацию, которой можно дополнить сведения из других источников. Все вышесказанное объясняет, почему этот период пока еще не получил освещения в литературе, которого он, безусловно, достоин, и почему многие события трактуются разными авторами по-разному. Итак, для лучшего понимания эволюции Центральной и Восточной Европы необходимо подробно рассмотреть отдельные события и их аспекты.

Глава 1
Истоки славянской истории и подъем Германии

Главным фактором эволюции Центральной и Восточной Европы в жизненно важный период между IX и XI веками был политический дебют славян. Не то чтобы они были новичками во влиянии на европейскую историю, но отныне и впредь они выступали на равных с франками, германцами и византийцами, наследниками Рима. Причина позднего появления славян на политической сцене – в то время, когда Италия, Испания и Галлия уже веками соблюдали привычный уклад жизни и даже Британия внесла определенный вклад в европейский прогресс, заключается, прежде всего, в удаленности славянских территорий от Рима и Византии, главных центров европейской цивилизации. В этом отношении им повезло меньше, чем древним обитателям Западной Европы и Британии, а также германцам.



Изначально славяне селились восточнее, за теми германцами, которые обитали в Скандинавии, Дании и на прилегающих островах. Оттуда они постепенно, на протяжении последнего тысячелетия до нашей эры, перебрались на территорию будущей Германии и потом продолжили миграции. И если никогда не было никакой неопределенности относительно доисториче-

ского дома германцев, проблемы, касающиеся колыбели славянских народов, являлись предметом ожесточенных дискуссий среди специалистов начиная с конца XIX века. По общему мнению многих ученых, место зарождения славянской расы – бассейн реки Припять. Основной довод – этот регион расположен за пределами региона произрастания бука, а для этого дерева в примитивном славянском языке нет обозначения. Однако современная польская школа славянских археологов отвергла этот аргумент, доказав, что в этот ранний доисторический период климатические условия в этой части Европы были другие и также что регион между Эльбой и Одером, Вислой и Бугом расположен за пределами региона произрастания бука. Поскольку раскопки на болотах Припяти не дали реальных результатов, наличие там любых многолюдных поселений исключается и, вероятнее всего, колыбель славян располагалась ближе к германцам и балтам, иными словами, где-то между Эльбой, Вислой, Одером и Бугом. Если так, то культура высокого уровня, остатки которой археологи обнаружили в этом регионе и творцы которой до сих пор оставались неизвестными, может быть приписана славянам.

Тот факт, что эта примитивная цивилизация, которую археологи назвали лужицкой культурой, около 500 года до н. э. внезапно исчезла, может объясняться только враждебным вторжением сильного противника, возможно скифов – иранского народа, жившего на юге современной России и хорошо известного грекам и римлянам. Их разрушительный набег, возможно, подтолкнул другие соседние племена посягнуть на территорию, занимаемую славянами. Богемию, Моравию и район верховья Вислы с частью Силезии занимали кельты, а территорию, протянувшуюся до Одера, – германские племена. Германские завоеватели, вероятнее всего, долгое время жили в тесном контакте со славянами и в отдельных случаях передавали культуру и ассимилировались со своими успешными подданными. Влияние готов было особенно заметно в ранний период славян, принадлежавших к польской группе. Но не установлено, что готы жили на этой территории до того, как мигрировали к низовьям Дуная. Они также могли добраться до этой страны из своего нового поселения на юге современной России. Кроме того, готский элемент мог укрепиться среди польских славян после того, как готов разгромили и разогнали гунны. Как можно предположить, основываясь на артефактах цивилизации, найденной на этой территории, славяне постепенно оправились от ударов и в I веке до н. э. для них наступили лучшие дни, когда они развили новую культуру, названную археологами вендской. Она процветала в I веке до н. э. Только после этого времени славяне возобновили экспансию на запад и юг.

Славянское проникновение с Верхней Вислы и Верхнего Буга на территорию современной Украины, вероятно, началось около 500 года до н. э., или перед вторжением скифов. Впоследствии оно набрало силу в направлении Днестра и бассейна Днепра. Но основной поток хлынул на русские равнины, вероятнее всего, в первых веках нашей эры. До того как славяне, перебравшиеся на восток, объединились в восточную группу русских, украинцев и белорусов, они были разделены на разные племена: дулебы, тиверцы, уличи, поляне, древляне, дреговичи, северяне, радимичи, кривичи, вятичи и словичи – чей дом был на Верхней Двине. Некоторые из них попали под влияние сарматских племен, которые были вытеснены сюда, вероятно, гуннами. Важнейшим из них было племя антов. Его ряды пополнились теми славянами, которые приняли это имя в V и VI веках. Так пишут византийские авторы. Два других сарматских племени, родственные антам, кроаты (хорваты) и сербы, проникли еще дальше. Судя по всему, хорваты объединили славянские племена Галиции, Силезии и части Богемии в некое подобие государства – Белую Хорватию Константина Порфирогенета, а сербы навязали свое правление славянским племенам между реками Эльба и Заале.

Немного раньше, начиная с III века н. э. и дальше, славяне начали мигрировать через Карпатские горы в современную Венгрию, в направлении Дуная и римских границ. Проблемы, созданные в этих регионах азиатскими захватчиками, особенно гуннами и аварами, ускорили трансформацию, главным образом в VI и VII веках. Авары, вероятно тюркское племя (уйгуры),

принявшее имя своих хозяев, уничтожили империю антов и заставили славянские племена массово двинуться на юг, или по собственной инициативе, или под командованием аваров. Они прорвались через римские внешние укрепления, переправились через Дунай, Саву и Драву, прошли по древним римским провинциям Паннония и Иллирик и остановились у ворот Константинополя.

Славянская экспансия проходила также в западном и южном направлениях. Эти славяне, должно быть, изначально населяли части балтийского побережья, что объясняет, почему Плиний Старший, Тацит и Птолемей (эти авторы называли их венедами) помещали их в устье Вислы и почему Птолемей писал о «Балтийском море венедов». Их экспансия на запад и юг, вероятно, замедлилась скифскими нашествиями и их последствиями, однако, оправившись, славяне опять двинулись к рекам Эльба и Заале, перешли их вброд в нескольких местах и столкнулись с германскими племенами, которые тоже мигрировали. Племена вагиров (вагров) и ободритов занимали весь регион от датской границы вдоль балтийского побережья и Эльбы до низовьев Одера. Велеты населяли территорию между средним течением Эльбы и Одера. Лужичане, далеминцы и другие племена, известные как сорабы, или сербы, поселились между реками Заале и Бобер. Некоторые племена продвинулись дальше и осели вдоль Эльбы от Магдебурга до Гамбурга. Известно о существовании славянских поселений вокруг Брунсвика, на местах современных Фульды, Готы и Эрфурта, но особенно много их было между Бамбергом, что в верховьях Майна, и Регенсбургом на Дунае.

В то время как южные славяне овладевали Балканами, те, кого сегодня называют чехами и словаками, двигавшиеся с севера – от Эльбы, Одера и Вислы, уже заняли землю древних кельтов бойи (отсюда название Богемия), которую только что освободили германцы – маркоманы и квады. Только племена, относившиеся к польской ветви, оставались на своем изначальном месте.

Славянская миграция в Центральную и Восточную Европу завершилась в VII веке – это единственное время, когда они могли оказать влияние на формирование Европы. Понятно, что только те славянские племена, которые находились ближе всех к европейским культурным центрам тех дней, могли передать другим славянам, поселившимся в менее удачных местах, культурное наследие Европы. К сожалению, им пришлось топтаться на месте в течение двух веков из-за прихода аваров. Те, разорив провинцию Иллирик, осели на территории современной Венгрии и навязали свое правление всем славянским племенам, жившим на Балканах, в Альпах, Богемии, Моравии, а также на реках Драва и Сава. Пока эти кочевники занимали бассейн Дуная, в географическом отношении основной район Центральной Европы, славяне никак не могли влиять на судьбу Европы. Аварское господство было не таким, чтобы рухнуть при первом же контакте, однако византийцы нанесли опережающий удар, когда разгромили аваров с их славянскими подданными у стен Константинополя в 626 году. Тогда булгары, туранский народ, родственный гуннам и аварам, нахлынули с Волги и осели к северу от Дуная, освободились от аварских хозяев, в 679 году переправились через Дунай и поселились среди славян в низовьях этой реки. Они предложили им защиту от аваров и византийцев и основали государство – будущую Булгарию.

Славяне древней провинции Иллирик освободились, как мы увидим позже, очевидно, с помощью хорватов и сербов. Согласно информации, записанной Константином VII Порфирогенетом, император Ираклий подружился с этими двумя сарматскими племенами, которые уже в большой степени ославянились, но были, как и прежде, готовы к новым приключениям, и с их помощью он освободил провинцию Иллирик. Там хорваты и сербы пришли на смену аварам, которые навязали свое правление – под протекторатом Византии – славянским племенам, которые они освободили. Из всех славянских племен, поселившихся на юге между Альпами, Нижним Дунаем и Черным морем, только словены сохранили свое название, а остальные приняли название хозяев: сарматские хорваты, сербы и тюркские булгары.

Интересная попытка собрать славян Альп, Богемии и Моравии в подобие государства была сделана легендарным Само. Его обычно считают франком, хотя некоторые авторы придерживаются мнения, что он был чех. В любом случае он освободил своих подданных от аварского ига, но его труд оказался недолговечным и не пережил его самого.

Все это объясняет, почему присутствие славян не ощущалось в европейских советах в VI–IX веках и почему их соседи в Центральной Европе, германские племена из "Германии" Тацита, их существенно опередили. Но если славяне Центральной Европы оказались отрезанными от всех культурных центров, их братьям на юге повезло больше. Они находились рядом с Византией – единственным центром цивилизации, опережавшим Рим. Несмотря на периодические набеги славян, Византийская империя оставалась преданной своей христианской и культурной миссии, причем настолько крепко, что вместо того, чтобы отозвать свои легионы с востока, где самые страшные враги христианства, персы и мусульманские арабы, пытались преодолеть оборону, византийцы предпочли лишиться западных провинций. Это дало южным славянам передышку на два или три века, позволившую укрепить их позиции. Булгария возвысилась первой. Ее каганы делали все возможное, чтобы сохранить политическую независимость государства от Византии. Но булгары сдались перед культурным главенством Византии, когда в середине IX века Борис-Михаил (Михаил – имя, принятое при крещении), первый христианский каган, открыл Булгарию христианской и греческой культуре. Итак, в начале X века, когда в их исконном славянском доме на Одере и Висле Земомысл, легендарный предок первого польского правителя Мешко, собирал польские племена в некую политическую общность, которую Мешко I превратил в государство, Булгария достигла вершин силы. Ее величайший каган, царь Симеон, вместе с воинственными боярами уже стучался в ворота Константинополя, претендуя на императорскую корону.

Положение западных славян было менее удачным. Мигрируя на запад и юго-запад, они не столкнулись с прочными светскими традициями и глубоко укоренившейся христианской культурой – как в Византии. Вместо этого они обнаружили молодую империю франков, которая осмелилась узурпировать титул Рима. Это государство было энергичным и динамичным, наполовину варварским, лишенным каких-либо традиций и лишь недавно крещенным, но оно чрезвычайно гордилось званием христианского. Карл Великий распространил свою власть до рек Сава, Дунай и Эльба, и в этом направлении государство намеревалось расширяться дальше.

Опасность, угрожавшая западным славянам, была еще более серьезной из-за их контакта с восточной частью империи – будущей Германией – регионом, менее всего подверженным влиянию римской и христианской культуры. Саксонцев, самое могущественное из германских племен, позже всех принявшее христианство, Карл Великий вынудил присоединиться к империи. А собственные инстинкты подталкивали их к экспансии силой оружия. В своей новой христианской вере они нашли готовый повод для такого действа. Ведь вся Европа в то время была готова считать агрессию миссией по обращению в новую веру.

Однако создавалось впечатление, что Византия сумеет ограничить эту экспансию определенными пределами. На самом деле хорваты были обязаны существованием своей национальной единицы близостью к Византии. Культура франков не имела такого чарующего влияния на них, поскольку они сохранили на адриатическом побережье – в городах Зара, Сплит (Спалато), Дубровник (Рагуза) и Дуррес (Дир-рахиум, Дураццо) – некоторые разбросанные остатки старых римских традиций, уцелевшие при византийском правлении. Желанные многими, эти латинские центры поддерживали культуру в Иллирике. Это дало хорватам достаточно уверенности в себе, чтобы противостоять давлению франков, а хорватам Далмации – силу, чтобы завоевать и сохранить полную независимость.

Франки пытались проникнуть через хорватскую территорию между реками Сава и Драва до Булгарии, но там они были слишком близко к Византии, чтобы чувствовать себя комфортно.

Более того, когда в первой половине IX века, после разрушения аварской империи Карлом Великим, князь Моймир сумел объединить моравские племена и выказал желание противостоять проникновению франков, Византия получила неожиданную возможность распространить свое правление на удаленные регионы Центральной Европы, таким образом сдержав, по крайней мере временно, программу экспансии франков.

Ростислав, преемник Моймира, постепенно остановил франков, рвавшихся к Татрам, самой высокой части Карпатских гор. Около 835 года архиепископ Зальцбурга освятил церковь в Нитре – это северо-восточный предел, до которого дошли франки. Вскоре после этого Ростислав изгнал князя Привину из Нитры и присоединил его территорию, которая включала большую часть современной Словакии, к Моравии. Ликвидировав тем самым навсегда опасность франкского нападения с юга на польские племена, он сослужил Польше бесценную службу.

Через некоторое время Людвиг Немецкий, желая сокрушить растущую силу Ростислава, заключил союз с булгарами, империя которых соприкасалась с территорией Ростислава на реке Тиса. Но Ростислав справился с опасностью неожиданным встречным движением. В 862 году его послы прибыли в Византию, чтобы предложить императору Михаилу III военный и культурный пакт. Предложение было принято, и появился новый союз, направленный против булгар. Его возможности были реализованы в 864 году, когда булгары, двигавшиеся к Моравии, чтобы помочь армии Людвига Немецкого, были застигнуты врасплох византийским военным отрядом и капитулировали.

Культурная часть соглашения с Византией должна была выполняться специальной миссией, которую возглавили два брата из Фессалоник – Константин-Кирилл и Мефодий, оба являлись выдающимися представителями византийского культурного возрождения в IX веке. Миссия была чрезвычайно важна. При адекватном ее выполнении она бы имела решающее влияние не только на судьбу славян, но также на всю будущую эволюцию запада и западной церкви. Греческие миссионеры основали в Моравии славянскую церковь с римскими ритуалами, но на славянском языке, и составили для славян специальный алфавит, названный глаголица, который впоследствии, в X веке, был заменен новым алфавитом, кириллицей, средством, которое до сих пор используют славяне. Деятельность миссии в Моравии вызвала острый интерес даже в Риме, где папы Адриан II и Иоанн VIII поняли, что такая работа даст им в руки лучшие средства для сдерживания опасного распространения германской церкви, которая к тому времени осознала свою силу. Поэтому папы приняли и одобрили инновацию и даже дошли до того, что возродили для Мефодия древний диоцез Сирмий (Срем в Хорватии) и присоединили к нему всю древнюю Паннонию и Моравию.

Сенсационная инновация была уходом от обычной практики римского престола. Даже территория, которая в более поздний период образовала часть Польши, в какой-то мере попала под новый «церковный передел». Святополк, преемник Ростислава, расширил свою империю не только на Богемию и к Эльбе, но и дальше на восток. Старая славянская легенда о святом Мефодии повествует, как Святополк одолел некоего князя на реке Висла. Этот рассказ представляет определенный интерес, поскольку дает представление о том, что происходило в это время среди славянских племен, примыкающих к чехам и словакам Богемии, Моравии и северной части Венгрии, которые тогда составляли единую группу с общим языком. Политический союз вислян мог быть остатками империи, некогда основанной хорватами на северных склонах Карпат, уцелевшей, хотя и ослабленной эмиграцией существенной части высших слоев сарматского общества, до IX века, когда она была вынуждена подчиниться правителю Моравии. Святополку наконец удалось собрать остатки этой империи под своей властью, и, поскольку восточные границы его империи, вероятно, доходили до верховьев Буга и Стира, он аннексировал все территории, расположенные между этими реками и Краковом и Силезией, которые, скорее всего, являлись основной частью Белой Хорватии.

Сказанное выше следует иметь в виду, если мы хотим правильно понять европейское развитие в следующих веках. Оно объясняет первое появление в документированной истории территории, которая впоследствии стала южной частью Польши, и дает нам право сделать вывод, что греко-славянская культура и славянская литургия, некогда введенная в Моравии Кириллом и Мефодием, нашла путь в будущую Польшу.

Это был первый весомый вклад славян в создание Центральной Европы – здесь о нем рассказано лишь кратко. В результате открылись большие возможности. Если бы Великая Моравия и церковь Константина-Кирилла и Мефодия продержались дольше, построение Центральной и Восточной

Европы пошло бы по иному пути. Великая славянская империя уверенно поднималась, готовясь потребовать свое место рядом с империей франков, которая, хотя к тому времени и миновала высшую точку своего развития, все еще была достаточно сильна. Еще важнее было то, что эта новая империя, основанная на славянской адаптации греко-византийской культуры, могла внести существенный вклад в образование европейцев IX века. Такое государство могло обеспечить удобный центр, вокруг которого развивались бы все западные и многие южные славянские племена. Восточная Франкия – впоследствии Германия – могла столкнуться с трудностями с продвижением своих границ далеко за Эльбу, и великая река вполне могла разделить германский и славянский миры навсегда, как сделала это в IX веке.

Возможности, конечно, были многообещающими, однако они никогда не были полностью реализованы. Арнульф, правитель Восточной Франкии, разрушил их своим союзом с мадьярами. Когда орды кочевников хлынули через Карпаты, Велеград, столица последнего правителя Моравии Моймира II, был настолько основательно разрушен, что сегодня даже его месторасположение является предметом споров археологов. Однако труды Моймира I и Святополка были не полностью уничтожены, как принято считать. Мы позднее увидим, что приобретающее влияние Чешское государство смело заявило о том, что является преемником Моравской империи, а князья Пржемыслиды (Пржемысловичи) считали себя наследниками династии Моймира. Эту претензию в XI веке оспорили польские Пясты. По-видимому, появлением у себя христианства Венгрия обязана остаткам моравской церкви.

Культурная работа двух греческих миссионеров пережила политическую катастрофу Моравии и еще долгое время влияла на жизнь Богемии. Потребовалось больше двух веков, чтобы ликвидировать славянскую литургию, введенную греками, но и после этого чехи не забыли о славянском происхождении христианской веры. Славянская литургия, как ее проводили в Моравии, до сих пор сохранилась в Далмации, а булгары адаптировали ее к восточным ритуалам и передали русским и сербам. Случай является уникальным в истории. Такая культурная долговечность доказывает, что политические возможности для Великой Моравии были не такой уж утопией, как многие считают. Тем не менее вышло так, что первая славянская попытка организовать Центральную Европу потерпела поражение из-за мадьярского вторжения. Следующая попытка исходила не от славян, а из Восточной Франкии, предшественницы Германии.

Мадьяры постарались не позволить Арнульфу и его преемнику Людовику IV Дитяти закрепить гегемонию Восточно-Франкского королевства над остатками Моравской империи. Они прочно держали Дунайскую равнину, которая вполне подходила для кочевой жизни, и были мало заинтересованы в холмистой местности у подножия Карпат, где религиозная и культурная жизнь, вероятно, претерпела лишь задержку развития, не более того. Они держали Словакию и Моравию под строгим политическим контролем и также положили конец булгарскому господству над землями, расположенными между Тисой и южной частью Карпат – современной Трансильванией. Кроме того, они проявляли не слишком много уважения к владениям франков в Паннонии, которые раскинулись между Альпами, излучиной Дуная и

рекой Сава. Процветающие франкские колонии в этом регионе стали первой жертвой мадьярских орд, совершавших опустошительные набеги. Восточная Франкия имела все основания сожалеть о том, что открыла двери Центральной Европы таким диким союзникам. Современные хронисты Восточной и Западной Франкии, повествуя о новых разрушениях этого нового бича Западной Европы, писали об Арнульфе в весьма нелестных выражениях. Незначительная выгода, полученная франками от уничтожения Моравской империи, вскоре была компенсирована ущербом, нанесенным интересам франков их неуправляемыми союзниками. С мадьярами было ничуть не легче ладить, чем с жителями Моравии, и их первый контакт с европейской жизнью оказался катастрофическим для всего Запада. А их оккупация бассейна Дуная ускорила распад Запада на множество разных национальных образований – прообраз сегодняшней Центральной Европы.

Только один уголок Моравской империи остался под властью франков – Богемия. Эта земля была занята баварцами после того, как они вытеснили кельтских бойи, до прихода чехов. И когда они овладели землями между Богемским лесом, верховьем Дуная и северными склонами Альп, их западные соседи назвали их «людьми из страны бойи» – *baiuvari.* После этого названия «маркоманы» и «квады», как именовали германские племена, заселявшие эти территории, постепенно были забыты, и страна, которую баварцы оставили, – Богемия, и страна, которую они заняли, – Бавария, получили наименование, напоминающее о кельтах бойи, ранее населявших Центральную Европу.

Страна, попавшая к баварцам, выиграла благодаря частичному сохранению римской цивилизации. Многие памятники культуры имели надписи о присутствии римских легионов на Дунае в бывшей провинции Ретия. Римские традиции также сохранялись, как на Рейне и в Галлии. Баварцы узнали о существовании Евангелия от ирландских, шотландских и англосаксонских миссионеров, и первый контакт с ними открыл чехам глаза на высокое развитие цивилизации, которую римское христианство могло им предложить. Баварские миссионеры, вероятно, были весьма активны в Богемии в первой половине IX века и достигли удовлетворительных результатов. Некоторые миссионеры определенно знали славянский язык, поскольку в Баварии того периода существовало много славянских поселений, а баварские славяне были обращены в христианство еще при Карле Великом. Из Фульдских анналов нам известно, что в 845 году четырнадцать вождей славянских племен, живших в Богемии, появились в Регенсбурге в окружении своих примитивных последователей и пожелали креститься. Этот шаг, вероятно явившийся результатом свободного решения, доказывает, что славяне Богемии были не только, как пишут ранние франкские хронисты, жестокими и несгибаемыми воинами, но также обладали политической мудростью.

Однако баварское христианское влияние оказалось недолговечным. Вскоре после 845 года политические отношения между Баварией и Богемией, вероятно, испортились – нам известно о кровавых схватках между баварцами и жителями Богемии. Ксантенские анналы относят столкновения к 849 году и предполагают, что винить в разладе следует баварцев. Но славяне взяли верх в борьбе, и хронист сожалеет о последствиях непонимания, ставших разрушительными для христианства. Вероятно, предмет был слишком неприятным для баварца, чтобы заострять на нем внимание.

Есть все основания сделать вывод, что вследствие баварского нападения и чешской победы богемцы разорвали отношения с франками и брешь облегчила проникновение моравского влияния в Богемию. Ориентацию этой страны на моравское влияние ускорил тот факт, что моравы могли предложить богемским славянам нечто большее, чем баварцы, – славянскую литургию, славянские буквы и намного более развитую культуру, происходившую из византийской, с которой не мог конкурировать даже Рим. Поскольку эта новая форма христианства оказалась намного популярнее среди славян и привлекательнее для них, богемские славяне приняли ее с готовностью и вскоре позабыли первый образчик христианства, пришедший к ним

из Баварии. О нем национальная традиция Богемии не знает ничего, и только баварские исторические источники сохранили записи о первых многообещающих успехах баварских миссионеров в этой стране.

Так вышло, что Боривой (Борживой), первый известный христианский князь Богемии, вместе со своей супругой Людмилой принял крещение из рук святого Мефодия. При возвращении от Святополка в собственную резиденцию в Леви-Градеце и Праге его сопровождали славянские священнослужители, которые имели при себе славянские литургические книги. В этот момент Богемия вступила в сферу влияния Византии и греко-славянской культуры.

Контакт с Баварией возобновился у Богемии в конце IX века, когда страна отошла от Моравской империи, раздираемой постоянными ссорами между преемником Святополка Моймиром II и его братьями. Об этой новой ориентации на франков нам известно из Фульдских анналов. Там сказано, что в 895 году богемцы снова появились в рейхстаге Регенсбурга, возглавляемые Спытигневом и Витиславом. Спытигнев принадлежал к семейству Пржемыслидов – Пржемысловичей, и Витислав, вероятно, к Славниковичам, другой правящей династии этой страны. Они были приняты с почестями королем и возобновили ритуальным рукопожатием союз с Франкской империей, представленной герцогством Бавария, их соседом. Подчинение Богемии франкам, естественно, подразумевало, по крайней мере в глазах баварцев, прекращение всех религиозных связей с моравским духовенством. Богемия была включена в епархию Регенсбург.

Окончательный крах Великой Моравии, последовавший вскоре, положил конец метаниям богемцев между франками и моравами. Мадьярская опасность, естественно, касалась Богемии тоже. Вратислав, сменивший Спытигнева в 915 году, предположительно, погиб в 920 или 921 году, защищая Богемию от мадьярского вторжения. Богемия и Бавария сблизились перед лицом общего врага. Церковная структура, созданная в Моравии архиепископом Мефодием и после его смерти поддерживаемая легатами папы Иоанна IX, была разрушена, и потому юрисдикцию Регенсбурга над Богемией никто не оспаривал. Но все же, несмотря на все усилия германских священнослужителей, Богемия держалась за славянскую литургию и письменность, и в ней в течение двух веков богослужения велись на двух языках. Славянская литургия и культура достигли высшей точки своего развития в этой стране в первой половине X века.

Таково было положение в этой части Центральной Европы в начале X века. Поскольку Богемия не могла в одиночку оказать достойного сопротивления мадьярам, эта задача перешла к Восточной Франкии. В империи франков постепенно происходили перемены. При последних Каролингах королевская власть медленно, но верно приходила в упадок, и, поскольку не было центральной власти, способной организовать общее сопротивление захватчикам – скандинавам, мадьярам и славянам, – разным провинциям и племенам приходилось рассчитывать только на себя. Некоторые аристократы, по большей части маркграфы, произвели такое сильное впечатление на соплеменников своей доблестью и способностью организовать оборону, что существенно возвысились, фактически стали военными лидерами и были признаны герцогами племен Восточной Франкии – франков, саксонцев, швабов, баварцев, лотарингцев и тюрингцев. Они не претендовали на происхождение от старых племенных вождей, поскольку франки, подчинившись империи, сломали свою политическую и племенную структуру. Аналогичные изменения имели место в Западной Франкии и Италии, но только в Восточной Франкии они достигли кульминации. Там племена после смерти Каролинга Людовика Дитяти (899–914), вместо того чтобы признать Каролинга, который все еще правил на западе, предпочли разрушить династическую традицию и, вернувшись к обычаям своих предков, избрали в 911 году королем герцога франков Конрада.

Это был год рождения средневековой Германии. Предложение королевского титула Конраду, герцогу Франконии, в Форхгайме было знаком того, что старые франкские традиции

защищают колыбель Германии. Могущественные саксонцы с готовностью приняли Конрада, кандидатуру которого подсказал их герцог Оттон Саксонский. Этот магнат аннексировал Тюрингию, где саксонское влияние помешало избрать нового правителя вместо Бурхарда, убитого в сражении с мадьярами в 908 году, и совместное давление герцога и его саксонцев придало новое направление событиям. Швабы и баварцы признали короля, а жители Лотарингии и Фризии, где престиж Западной Франкии перевесил значимость четырех выдающихся германских племен, остались верными Каролингам и признали власть короля Западной Франкии Карла III.

Положение нового короля было затруднительным с самого начала. Он тщетно пытался заставить жителей Лотарингии подчиниться его власти и с помощью церкви подорвать ситуацию в Баварии, где у власти был Арнульф (907–937), сын Лиутпольда. Он не вмешивался в дела герцогства Швабия, а его попытки сохранить Тюрингию, как политическую единицу, отдельную от Саксонии, вызвали конфликт с могущественным Генрихом, преемником Оттона.

Конрад видел, что его неудача объясняется слабостью собственного герцогства. Как только герцогства стихийно выросли в независимые единицы в ущерб королевской власти, франкская традиция оказалась неадекватной в качестве централизующей силы. Когда смертельно раненный Конрад вернулся из кампании против Арнульфа Баварского, он назначил своим преемником герцога Саксонии и велел своему брату Эберхарду, законному наследнику трона, отдать королевскую власть Генриху Саксонскому и помириться с ним. Таким образом, с согласия франков и саксонцев Генрих I стал королем Германии. Его назначение было подтверждено выборами во Фрицларе в 918 году. Этим решением Конрад доказал свою политическую прозорливость, и 918 год стал еще одной вехой на пути взросления Германии и Центральной Европы.

Правда, выборы не были признаны швабами и баварцами. Герцог Бурхард II, лелеявший планы расширить сферу влияния Швабии через Альпы на Ломбардию, был готов, не забывая о своей цели, принять Генриха I в качестве короля при условии, что он получит полную свободу в манипуляциях с церковниками и их собственностью. Но баварцы были непреклонны и выбрали собственного герцога королем *Regnum Teutonicorum.* Это нам известно из недавно обнаруженного источника – Зальцбургских анналов – *Annales Juvavensium Maiores*, где мы, между прочим, находим первое упоминание о том, что название Германского королевства – *Regnum Teutonicorum* — существовало уже в этот ранний период. Не найдя способа прийти к какому-нибудь соглашению с баварцами, Генрих I решил применить силу и в 921 году осадил Регенсбург, но почти безрезультатно, поскольку ему пришлось успокаивать своего оппонента важными уступками, включая полную власть над баварской церковью и эксклюзивное право на чеканку монет в своем герцогстве. Арнульф согласился отказаться от королевского титула, однако продолжал вести себя на своей территории как суверен.

Отношение Баварии делало королевскую власть весьма затруднительной, и Генрих I, понимая это, использовал все возможности, чтобы укрепить свои позиции, уменьшить власть других герцогов, навязать свое королевское главенство и тем самым снизить опасность от квазинезависимости Арнульфа. В этом он был удачливее, чем его предшественник, поскольку Саксония выражала больше готовности помочь ему, чем Франкония Конраду. Генрих обеспечил признание Карла, короля западных франков, потом воспользовался беспорядками, которые со временем завершились подъемом во Франции противоборствующей правящей династии, основанной Гуго Капетом. Ей было суждено в конце концов затмить Каролингов. Жители Фризии покорились, и Гизельберт, отец которого – Регинар отказался уступить дорогу Конраду I, был утвержден в герцогском достоинстве. Генриху сопутствовал успех и в Швабии. Швабский герцог Бурхард II, мечтая добавить север Италии к своим владениям, поддержал своего родственника, Рудольфа II, короля Бургундии, в борьбе с графом Гуго из Прованса за господство в Ломбардии. Но герцог был убит в бою, и Генрих I сразу навязал своего кандидата и пре-

данного сторонника Германа, кузена герцога Франконии, ничего не подозревавшим швабам. Это было убийство двух зайцев одним выстрелом, поскольку вмешательство короля не только способствовало укреплению его собственной безопасности, но и, по существу, пресекло тенденцию герцогств вырастать в племенные герцогства в ущерб его центральной власти. Это был первый случай, когда король навязал герцогу правителя из другого племени. В то же время Швабия была важным звеном между Саксонией, Бургундией и Италией, так что сильное влияние в этом герцогстве давало Генриху I все шансы взять на себя ту роль, которую Бурхард II планировал сыграть в Северной Италии. Чтобы улучшить положение, Генрих вернул королевский контроль над швабской церковью, от которого отказался в обмен на признание Бурхарда.

Все это не затрагивало позицию Баварии. Арнульф был далек от отказа от своей квазинезависимости, присматривался к владениям соседей и только ждал случая заявить о своих правах на Северную Италию. Тем временем он начал действовать против Богемии, не ставя в известность короля. Страной после смерти Братислава правила его супруга Драгомира, обращенная принцесса из велетов, которая вместе с несколькими представителями высшей знати взяла на себя регентство при своем юном сыне Венцеславе (Вацлаве) I (920–929). Обнаружив, что ее влияние подрывает свекровь Людмила, которая воспитывала внука в благочестии и имела власть над юным князем, Драгомира решила взять бразды правления в свои руки и в 920 или 921 году убила ее при молчаливом согласии некоторых реакционных элементов. Правда, как выяснилось, игра не стоила свеч, потому что партия ее покойного супруга свергла убийцу и объявила Венцеслава правящим князем.

Эта дворцовая революция, вероятно, дала Арнульфу шанс, которого он ждал, для баварского удара – так некоторые хронисты называют экспедицию Арнульфа против Богемии в 922 году. Единственное правдоподобное объяснение загадки, которая беспокоила многих чешских и германских историков, – допущение, что Арнульф все еще рассматривал Богемию как сферу своего влияния и не собирался никому позволять вмешиваться в богемские дела, даже саксонскому герцогу, которого он лишь незадолго до этого признал королем *Regnum Teutonicorum*. Если эту страну следовало считать частью Восточной Франкии, иначе Германии, она должна была быть связана с ней через Баварию и включена в герцогство Арнульфа.

Также возможно, что противники светской политики Драгомиры и ее партии нашли поддержку в Богемии на территории другого Богемского княжества, где правили представители второй княжеской династии – Славниковичей. При этом допущении баварская интервенция могла быть спровоцирована оппозицией со свержением Драгомиры и ее изгнанием. Есть одна деталь, которая указывает на эту возможность: судя по всему, правящий князь из Славниковичей женился на дочери баварского герцога Арнульфа. Дело в том, что, согласно Бруно Кверфуртскому, биографу святого Адальберта, епископа Праги и Славника, бабушка этого святого была дочерью Арнульфа. Так что вполне может статься, что именно по причине этих брачных связей со вторым княжеским родом Арнульф вмешался во внутренние дела Богемии.

Таким образом, правление Венцеслава началось под покровительством Баварии, и молодой князь, скорее всего, подчинился опеке Арнульфа – если, конечно, можно верить одной из версий славянской легенды о святом Венцеславе. Она приписывает юному принцу намерение построить в Праге собор, посвященный святому Эммерану, покровителю Баварии и любимому святому Арнульфа. Этот вариант легенды привлек внимание экспертов, но, поскольку церковь, которую Венцеслав со временем начал строить, в конце концов была посвящена святому Виту, утверждение было принято считать ошибкой переписчика. Но что, если изначальное намерение Венцеслава было задумано как комплимент Арнульфу?

Однако почему тогда Венцеслав изменил свой план и посвятил церковь покровителю Саксонии – святому Виту? Очень может быть, что эта перемена указывает на то, что происходило в Германии после успешного богемского эксперимента Арнульфа. Можно предполо-

жить, что Генрих I не нашел его приятным и уж точно он никогда не намеревался позволить могуществу Баварии бесконтрольно расти. Также он вовсе не собирался поощрять политику Арнульфа, желавшего во что бы то ни стало взять на попечение Богемию якобы в гипотетических интересах Германии. Мы уже видели, что Конрад уже пытался предотвратить формирования герцогств, превосходящих своих соседей, а Генрих I был слишком реалистичным государственным деятелем, чтобы не чувствовать опасность для своей королевской власти, к которой он намеревался присоединить герцогство Саксонии. Отсюда его усилия заставить Богемию стать зависимой от короля Германии и Саксонии.

В 926 или 927 году настал благоприятный момент. В то время как систематические набеги мадьяр на Германию не позволяли Арнульфу закрепиться на завоеванных рубежах, Саксония нашла защиту в девятилетием перемирии, которое Генрих II заключил с мадьярами в 924 году, не включив в него ни одно другое герцогство. Это дало ему необходимую передышку, чтобы заняться военной реорганизацией его собственного герцогства и Тюрингии, и ввести систему Burgwar-de, состоящую из крепостей, расположенных в стратегических пунктах разных районов. Военная значимость Саксонии быстро возрастала, так что другие герцогства, менее удачно расположенные, начали обращать на это внимание. Не остался этот факт незамеченным и для Арнульфа, который постепенно пришел к пониманию необходимости более близких контактов с Саксонией. Нам на самом деле известно, что в 928 году он посетил королевский совет гофтаг в Ингельхайме. Там было принято решение о мерах, касавшихся всего королевства. Была возрождена старая система массовой военной службы, и с тех пор военное лидерство Саксонии и короля принималось как должное.

Можно предположить, что таким образом была подготовлена почва для дальнейших действий Генриха I. Теперь он мог подступиться к Богемии, не вызывая подозрений баварцев. Вероятно, он тогда потребовал, чтобы богемский князь признал его королевскую власть. Это требование Арнульф не мог отвергнуть, поскольку сам сделал то же самое. А Венцеслав был только рад угодить, потому что он и его советники считали лучшим выходом для Богемии оказаться под защитой короля, чьи владения были дальше от Богемии, чем Бавария. Чем дальше, тем безопаснее. Они даже пошли дальше, чем требовал Арнульф, обменяв баварское господство на саксонское. Все это, вероятнее всего, происходило около 926 года. Венцеслав едва ли мог начать строить свой храм до этой даты. Поскольку вера должна соответствовать политике, саксонский святой покровитель – святой Вит – стал покровителем собора Праги и Богемии вместо баварского святого.

В подтверждение нашей трактовки фактов можно привести еще и другой источник. Лучшая латинская биография святого Венцеслава была написана христианином, дядей святого Адальберта, в 992–994 годах. Там мы читаем, что Венцеслав был связан с Генрихом I тесными узами дружбы. Если это правда, можно предположить, что эта связь длилась какое-то время. На это указывает и хронист Титмар, отмечая, что Венцеслав был предан Генриху I и Богу.

Этим фактам очень часто уделяют недостаточно внимания чешские и немецкие историки. Чешские эксперты далеко не сразу признали христианскую власть, и лишь немногие осмеливались искать решение непонятных моментов чешской истории в истории Германии и соперничестве между Баварией и Саксонией. По их мнению, было удобнее допустить, что подчинение Венцеслава правлению Генриха было вынужденным и относится к 929 году, когда Генрих I разгромил и покорил славян между реками Эльба и Заале. Лишь смутный намек саксонского хрониста Видукинда может говорить в пользу этого допущения – он упоминает о подчинении Праги после славянских племен в среднем течении Эльбы. Но к его повествованию следует относиться с осторожностью, потому что его информация о Венцеславе весьма скудная. Видукинд упоминает о Венцеславе в двух случаях, но при этом даже не знает его имени. Экспедиция, о которой он пишет, была направлена, как мы увидим, не на Венцеслава, а на его брата Болеслава. Наше понимание лучше согласовывается с источниками и проли-

вает дополнительный свет на соперничество между Генрихом I и Арнульфом в новом *Regnum Teutonicorum.* Богемия действительно внесла далеко не маленький вклад в саксонскую победу, поскольку легкое принятие Венцеславом главенства Генриха подняло ее статус в новой Германской империи, к большому раздражению Баварии, чей упадок, как мы увидим далее, начался с переходом Богемии на другую сторону. Отметим, что чешский историк Йозеф Пекарж представил историю святого Венцеслава в совершенно новом свете. Его труд можно по праву считать лучшим. Но мне представляется, что ошибочно относить переход Богемии на сторону Саксонии к 921 году, когда Генрих пытался подавить Арнульфа силой оружия. Эта борьба не имеет ничего общего с Богемией, иначе вторжение Арнульфа в Богемию в 922 году не имеет никакого приемлемого объяснения. Пекарж не проследил параллельно развитие событий в Германии и все его последствия, а только там находится ключ к решению всех этих проблем.

Если мы правы, значит, следует предположить, что Генрих I начал свое победоносное движение к покорению славянских народов, живших на территории, примыкающей к восточным границам его королевства, с юго-востока. Славяне Богемии были не последним, а первым славянским народом, признавшим его власть до 928 года. Единственная разница заключается в том, что князья Богемии, как христианские принцы, которые со времен Карла Великого смотрели на свой союз с Восточной Франкией и Франкской империей как на логичное сопутствующее обстоятельство существования единой христианской империи, добровольно покорились новому христианскому королю, который, по их оценкам, был законным правителем Франкской империи.

Готовясь к обороне своего королевства от вторжений мадьяр, Генрих должен был обезопасить восточные рубежи. Только после этого он мог пойти на риск основной атаки. Славяне на правом берегу Эльбы были хуже чем просто язычники – они были убежденными сторонниками мадьяр, к набегам которых в Германию часто присоединялись. В 928 году Генрих I был готов к началу большой кампании. Его армия, не сломленная зимними условиями, переправилась через Эльбу и замерзшие болотистые берега реки Хафель, напала на славянское племя гавелян и захватила их главный город Бранибор (Бранденбург). Голод и холод, утверждает саксонский хронист Видукинд, оказались самыми лучшими союзниками германского меча в этой кампании. Бранибор был построен как немецкий город и укреплен, став важным саксонским аванпостом на правом берегу Эльбы. Он является краеугольным камнем в истории Бранденбурга и первой вехой в продвижении немцев на восток и на польские земли. После нашествия велетов, которые еще называли себя лютичи или вильцы (заметим, что лютичи или вильцы означает «сыны волка», а волк был обычным для славян синонимом лютого зверя), могучая конфедерация из четырех славянских племен осела на землях между средним течением Эльбы и балтийским побережьем. Они были обязаны платить дань – другого выхода не было. Та же судьба вскоре постигла ободритов и те славянские племена, которые жили между нижним течением Эльбы и балтийским берегом – в современном Шлезвиг-Гольштейне и Мекленбурге.

Саксонская армия продолжила триумфальный марш по Эльбе к территории сербов, занимавших треугольник, образованный реками Эльба и Заале и Богемскими горами. Генрих сражался с ними в молодости. На этот раз он завершил свою работу, вероятно, весной 929 года и навязал им свое правление. Их столица Яхна была захвачена, и на ее месте был построен новый город, который впоследствии стал вторым по важности саксонским аванпостом Мейсеном, на территории сербского племени далеминцев.

Вскоре после покорения сербов между Заале и Эльбой Генрих I был снова вынужден вторгнуться в Богемию. Правление Венцеслава превозносится его многочисленными биографами как правление святого человека, который заботился о материальном и особенно духовном благосостоянии своих подданных, а также всячески старался повысить их культурный уровень. Но его политика не могла не вызвать недовольство, и, хотя Богемия была христианской

страной на протяжении нескольких поколений, растущее влияние духовенства на юного князя и его страну, вероятнее всего, не нравилось той же партии, которая раньше была сторонницей Драгомиры. На этот раз вопрос о сотрудничестве Драгомиры не стоял. Венцеслав вернул даму из ссылки и установил с матерью самые сердечные отношения. Но прежняя партия Драгомиры заинтересовалась младшим братом Венцеслава, которого звали Болеслав, – импульсивным юношей, всей душой завидовавшим принцу. Когда Венцеслав женился и у него родился сын, Болеслав утратил все надежды сменить брата на престоле и стал с повышенным вниманием прислушиваться к жалобам. Был устроен заговор, закончившийся трагедией. Венцеслав навещал брата в его резиденции в местечке Стара-Болеслав, когда между братьями вспыхнула ссора. Ретивые сторонники Болеслава набросились на Венцеслава и убили его прямо у входа в церковь.

Согласно славянской легенде, советники заставили Венцеслава жениться, и, когда у него родился сын, он решил жить со своей женой как брат с сестрой. Она сблизилась с другим мужчиной. Тогда Венцеслав расторг свой брак и выдал жену замуж за любовника. Эту версию отвергают биографы Венцеслава, но я считаю ее вполне правдоподобной. В те дни считалось, что правящий принц не может обойтись без наследника. Утверждение, что Венцеслав не был женат и всю жизнь оставался в одиночестве, появилось позднее, во второй половине X века, когда в круг биографов Венцеслава стали проникать реформаторские идеи.

Новость об убийстве разлетелась со скоростью лесного пожара, и вскоре о ней узнал король Генрих I, у которого, вероятно, сложилось впечатление, что новый князь намерен изменить свое отношение к Саксонии и Германской империи. Сообщение Видукинда, подтвержденное другими очевидцами, о столкновениях между саксонцами и чехами, вероятнее всего, должно относиться не к периоду правления Венцеслава, а к первому году правления Болеслава. Осознав, что Болеслав ни о чем подобном даже не помышляет, а убийство и смена правителя на чешском троне являются всего лишь результатом мелкой зависти и личной неприязни, Генрих I выступил против славян на Эльбе, где его интересам угрожала большая опасность. Так можно объяснить утверждение Видукинда, что Болеслав продолжал поддерживать дружеские отношения с Саксонией до конца жизни Генриха I – то есть примерно до 936 года. Только после этого имело место столкновение между чехами и германцами, и война завершилась только в 950 году, когда Болеслав I подчинился Оттону I.

Согласно Видукинду, всей армией он выступил на Прагу, город богемцев, и король сдался. О нем рассказывали много необычных вещей, но мы в них не верим и потому обходим их стороной. Он был братом Болеслава, который всю жизнь оставался верным и преданным императору. Сделав Богемию данником, король вернулся в Саксонию.

Хотя мотив убийства Венцеслава не был религиозным, современники считали его мучеником за христианское дело, которому он посвятил всю жизнь. Заметим, что своей смертью молодой князь сослужил выдающуюся службу своему народу и стране. По всей Богемии и за ее пределы очень быстро распространились слухи о чудесах. Его первая биография была написана на славянском языке, другие – на латинском. Они увидели свет в Богемии, Германии и Италии. Тот факт, что среди Пржемыслидов есть святой человек, существенно повысил важность всего племени и облегчил работу по объединению его преемникам. Таким образом, христианство Чешского государства стало общепризнанным.

Осталось лишь одно наблюдение, которое можно сделать относительно кампании 929 года. Если участие в ней Арнульфа, как упоминают некоторые баварские источники, не подлежит сомнению, представляется, что вооруженное столкновение между чехами и германцами случилось до того, как Болеслав внес ясность в дела. Как можно это увязать с тем, что говорят о ревности между Баварией и Саксонией из-за Богемии? Однако не стоит забывать, что герцог Баварии пребывал в феодальной зависимости от короля и что, не имея возможности предотвратить рост саксонского влияния на Богемию, он определенно не собирался позволить сак-

сонцам действовать в Богемии в одиночку. Если рассматривать дело в таком свете, его участие в Богемской экспедиции вполне согласуется с ходом событий в Германии.

Стремительная мобилизация Генриха против Болеслава в 929 году будет лучше понята, если не забывать о том, что случилось во время убийства Венцеслава, на Эльбе, у ближайших соседей Богемии. Стремясь противостоять растущей угрозе со стороны саксонцев, славянские племена – ободриты, велеты и сербы (сорбы, сорабы) – решили сформировать коалицию под руководством ратарей – воинственного клана из конфедерации велетов, который был хранителем Ретры, славянского религиозного центра, святилища языческой славянской веры. Именно эта коалиция столкнулась с Генрихом в Ленцене, что на правом берегу Эльбы, 4 сентября 929 года. Все современные и многие последующие германские хронисты упоминали об этой великой битве. Коалиция была разбита, ее армия рассеялась, и противник преследовал ее с беспрецедентной жестокостью. Согласно хронистам, которые часто имели лишь приблизительное представление о цифрах, обозленные саксонцы убили от 120 до 200 тысяч беглецов. Неудивительно, что Генрих всерьез встревожился, когда узнал новости из Богемии. Ему было удобнее думать, что удар Болеслава – часть славянского мятежа.

Кстати, славяне после поражения в 929 году были настроены вовсе не миролюбиво, и в 932 году Генриху пришлось отправить еще одну экспедицию против славян, живших между Эльбой и Заале. Его войска прошли вверх по Эльстеру, вступили в бой и разбили противника в Лебузе. Так было завершено покорение славянских племен, живших между двумя реками. Сфера германского влияния впервые в истории распространилась на правый берег Эльбы – к Одеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.